

— доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, сопредседатель Союза писателей России, лауреат ряда международных и отечественных литературных премий (Бунинской, Горьковской, имени Достоевского, имени Тютчева, а также государственной премии Правительства Российской Федерации в области культуры (2013) и Патриаршей литературной премии (2016)).

**ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
РАССКАЗА БУНИНА
«ГОСПОДИН
ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»**

Почему короткий, хотя и драматичный эпизод из жизни буржуа без имени, путешествующего вместе с такими же анонимными «коллегами» по беспокойному океану на корабле с говорящим названием «Атлантида», был предварен эпиграфом «Горе тебе, Вавилон, город крепкий»? Позднее автор рассказа признавался: «Эти странные слова Апокалипсиса неотступно звучали в моей душе, когда я задумывал “Господина из Сан-Франциско”».

Публицистическим слогом апокалиптическую атмосферу современной цивилизации, филигранно сжатую разнообразными эпизодами и деталями емкого художественного минимализма в пространстве небольшого рассказа, Бунин подчеркивал следующим образом: «Мир одержим еще небывалой жадной корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморе. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют. Содом и Гомора ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над тол-

— docteur ès Lettres, travailleur honoré des Science de la Fédération de Russie, co-président de l'Union des écrivains de la Russie, lauréat de nombreux prix littéraires (les Prix de Bounine, de Gorki, de Dostoïevski, de Tiouttchev, ainsi que le Prix d'Etat du gouvernement de la Fédération de Russie dans le domaine de la culture (2013) et le Prix littéraire du Patriarche (2016)).

**CONTEXTE PHILOSOPHIQUE,
PSYCHOLOGIQUE,
SOCIAL ET HISTORIQUE
DU RÉCIT DE BOUNINE
«LE MONSIEUR
DE SAN FRANCISCO»**

Pourquoi un épisode court et dramatique de la vie d'un bourgeois sans nom voyageant avec les mêmes «collègues» sur l'océan houleux en vaisseau portant le nom *Atlantide* a été muni d'une épigraphe «Malheur! Malheur! La grande ville, Babylone, la ville puissante!»? L'auteur a avoué plus tard: «Ces mots bizarres d'Apocalypse sonnaient dans mon âme tout le temps où je réfléchissais au sujet du *Monsieur de San Francisco*».

Une ambiance apocalyptique de la civilisation contemporaine, décrite d'une manière exquise dans de différents épisodes et des détails minimalistes dans une petite nouvelle a été soulignée par Bounine ainsi: «Le monde est obsédé par la cupidité et le désir de suivre la foule, il

ressemble de nouveau à Tyr et à Sidon, à Sodome et à Gomorrhe. Rien ne répugnerait Tyr et Sidon dans leur mercantilisme avide. Rien ne gênerait Sodome et Gomorrhe dans leur concupiscence. Une foule de plus en plus grandissante, levant de plus en plus haut la tête, aspire à la jouissance, envie tout jouisseur. Les uns (brûlant de trouver un acheteur) la rendent aveugle par la brillance de leur marché mondial, les autres (brûlant d'obtenir des pouvoirs) la rendent envieuse. Comment acquérir des pouvoirs sur la foule, comment se rendre célèbre dans tout le Tyr, dans toute la Gomorrhe, comment entrer dans l'ancien palais royal ou bien s'orner d'une couronne de combattant pour le bien du peuple? Il faut duper la foule, et parfois duper soi-même, sa conscience, il faut racheter la foule et sa foi par son empressement. Et voilà le monde voit apparaître toute une horde d'annonceurs d'une «nouvelle» vie, détenant un privilège mondial, une concession d'arranger le bien du peuple, un bien, on dirait, commun et unanime. Le monde a vu naître une armée de professionnels dans ce domaine: des milliers de membres de partis politiques divers, des milliers de tribuns d'où sortent ceux qui enfin se couvrent de gloire et de pouvoirs de telle ou telle manière. Mais pour l'obtenir, je le répète, on a besoin d'un grand mensonge, d'un grand empressement, d'agitations et de révolutions, il faut, de temps en temps, marcher dans le sang allant jusqu'aux genoux».

Les mots de Bounine montrent un des éléments majeurs du système philosophique, idéologique, social et historique qui transforme l'énoncé littéraire

пой, как прославиться на весь Тир, на всю Гомору, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей. И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «новой» жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устройства человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу — тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобно, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови».

Слова Бунина обрисовывают один из элементов того идейно-философского и социально-исторического контекста, который как бы разжимает обозначенную выше емкость художественного высказывания в определенные логические ряды в их соединенности, развитии и смыслах, привлекавших внимание до автора «Господин из Сан-Франциско» самых разных русских писателей и мыслителей. Например, великую ложь и метаморфозы идей провозвестников «новой» жизни в Великой французской революции Достоевский обнаруживал в том, что произошло не обновление общества провозглашенных идеалов, а лишь «победа одного

мощного класса над другим», когда «обновился лишь деспотизм» с негласным девизом «Убирайся прочь, а я займу твое место». Оказалось, что «новые победители мира» (буржуа) еще, может быть, хуже прежних деспотов (дворян) и что «свобода, равенство и братство» оказались лишь громкими фразами и не более. Мало того, явились и такие учения, по которым из громких фраз они оказались еще и невозможными фразами. Победители произносили или, лучше сказать, припоминали эти три сакральных слова уже насмешливо...

Герцен называл подобные процессы метаморфозами «демонического начала» истории, превратившими свободолобивые идеи революционеров сначала в господство Наполеона, а затем — в «биржевой оборот». Начиналась новая эра монетаризации сознания и денежного абсолютизма, формировались и новые отношения между людьми, охарактеризованные тем же Достоевским: «О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил материализм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. “Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя”, — вот нравственный принцип большинства теперешних людей, основная идея буржуазии, заменившей собою в конце прошлого столе-

цité plus haut dans le texte en entités logiques certaines, unies dans leur sens et leur développement qui ont attiré, avant l'auteur du *Monsieur de San Francisco*, bien d'autres écrivains et penseurs russes. Par exemple, le grand mensonge et les métamorphoses des idées d'annonceurs d'une «nouvelle» vie de la Grande révolution française, Dostoïevski les voyait dans le fait que les idéaux de la société elle-même n'ont pas été renouvelés, mais la révolution a causé «la victoire d'une classe plus puissante sur l'autre», c'était le despotisme qui a été renouvelé seulement avec sa devise secrète «Ote-toi de là que je m'y mette». Il s'est révélé que les nouveaux vainqueurs du monde (les bourgeois) seraient même pires que les anciens despotes (les aristocrates) et que «la liberté, l'égalité et la fraternité» n'étaient rien d'autre que des phrases pompeuses. De plus, il y a eu des théories qui ont rendu ces phrases pompeuses caduques, impossibles à réaliser. Les vainqueurs prononçaient ces trois mots ou même se les rappelaient en se moquant de leur pathétisme.

Herzen appelait des processus pareils les métamorphoses du «début démoniaque» de l'histoire qui ont transformé les idées révolutionnaires d'abord en règne de Napoléon et puis en «circulations monétaires». Une nouvelle ère de monétarisation de la conscience et de l'absolutisme financier commençait et se formaient de nouvelles relations entre les gens formulées ainsi par Dostoïevski: «L'homme, partout et toujours, a trop aimé le matérialisme, a toujours été trop enclin à voir dans la liberté la faculté d'assurer son existence à l'aide d'argent

amassé par n'importe quels moyens, mais jamais la chose n'a été aussi flagrante que pendant notre dix-neuvième siècle. «Chacun pour soi», voilà le principe de tous, je ne dis pas des malhonnêtes gens, mais des travailleurs incapables de voler ou de tuer personne. Autrefois on était égoïste et cupide, mais le mauvais instinct était contenu par le christianisme. Aujourd'hui, on élève l'égoïsme et la cupidité au rang de vertus».

La substitution des idéaux qui rendait les bases spirituelles et morales plus faibles en renforçant les stimulus matériels et égoïstes dans le comportement des gens et en s'opposant aux valeurs chrétiennes, s'accompagnait d'un rôle croissant de l'argent qui transgressait ainsi ses limites naturelles de régulateur des aspects sociaux et économiques de la vie, celles d'équivalent de la force et du travail dépensés dans le processus de la production, de l'échange de marchandises et de services accordés, celles d'un instrument commode d'interactions matérielles. Devenu la source du bien-être social, de la vie confortable, de l'apaisement des besoins pragmatiques et utilitaires, l'argent franchit subrepticement les limites imposées et s'impose en élément majeur de l'existence sociale, psychologique, spirituelle et morale. Ce temps nouveau voit l'argent devenir l'équivalent de la liberté humaine, un but en soi et un moyen d'obtention des privilèges de pouvoir et d'autorité dont les détenteurs prétendent non seulement contrôler le développement de la civilisation mais aussi créer une vision du monde particulière, interpréter l'histoire et le destin de l'homme à leur manière.

тия прежний мировой строй, ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всем современном мире, и даже не дурных людей, а, напротив, трудящихся, не убивающих, не ворующих. А безжалостность к низшим классам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, — о, конечно, все это было и прежде и всегда, — но — но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель... Наступает, напротив материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».

Подмена идеалов, ослаблявшая духовно-нравственные основания и усиливавшая материально-эгоистические стимулы поведения людей, в ее противопоставлении христианским ценностям сопровождалась своеобразной ролью денег, выходящих за свои естественные пределы как регулятора социально-экономических аспектов жизни, как универсального эквивалента вложений энергии и затраченного труда в процессе производства, товарообмена и предоставленных услуг, как удобного инструмента материального взаимодействия. Становясь источником вещественного благополучия и комфорта, способствуя удовлетворению утилитаристских и прагматических потребностей, деньги вместе с тем как бы незаметно выходят

за эти пределы, оказываются неразрывно связанными с социально-психологическими и духовно-нравственными сторонами бытия, превращаясь в новое время во всеобщий эквивалент человеческой свободы, в некую самоцель для достижения престижных привилегий господства и власти с претензией их обладателей на ведущую роль в развитии цивилизации и создании картины мира, в истолковании смысла истории и назначении человека. Красноречиво подчеркнул эту метафизику и аксиологию поэт И.А. Бродский: «Наравне с землей, водой, воздухом и огнем, — деньги суть пятая стихия, с которой человеку чаще всего приходится считаться».

Чтобы иметь представление о том, как может работать пятая стихия во внутреннем мире личности, важно иметь в виду двойственное измерение противоречивой человеческой природы, соединяющей в себе, если воспользоваться известными державинскими строками («я царь — я раб — я червь — я бог») царские (свобода, любовь, совесть, милосердие, сострадание, справедливость и т.п.) и рабские (гордыня, тщеславие, зависть, властолюбие, сластолюбие, сребролюбие, чревоугодие и т.п.) свойства.

По убеждению самых глубоких писателей и мыслителей, без полноты осознания этой двойственности и преодоления рабской заносчивости в лоне «темной основы нашей природы» историческое движение всегда будет отклоняться от задуманного и планируемого, испытывать подобные метаморфозы в нисходящих тупиках. «Пока темная основа нашей приро-

Ce côté métaphysique et axiologique a été mis en valeur par I. A. Brodsky: «Avec la terre, l'eau, l'air et le feu — l'argent est le cinquième élément que l'homme doit prendre en considération».

Pour comprendre comment ce cinquième élément influence le monde intérieur de l'individu il faut tenir en compte l'ambiguïté de la nature humaine réunissant en elle des caractéristiques de roi (liberté, amour, conscience, charité, compassion, justice, etc.) et celles d'esclave (superbe, vanité, envie, ambition, luxure, avidité, gastromanie, etc.). Comme le disait autrefois Derjavine: «je suis un roi — je suis un esclave — je suis un ver — je suis un dieu».

Selon les écrivains et les penseurs les plus profonds, le mouvement historique changerait toujours de direction, se perdrait toujours dans ses métamorphoses survenues sur le chemin et se retrouverait dans des impasses faute de comprendre l'ambiguïté humaine et de vaincre l'arrogance servile cachée dans les «profondeurs sombres de notre nature».

Le philosophe russe Vladimir Soloviev écrivait ainsi: «Tandis que le côté obscur de notre nature, méchante dans son égoïsme absolu et insensé dans son désir de s'accomplir dans cet égoïsme, tout ranger à sa mesure et tout déterminer selon ses principes, tandis que ce côté obscur existe en nous, tandis qu'il est toujours présent en nous, et le péché originel n'est pas écrasé, aucune vraie affaire n'est possible pour nous et la question *quoi faire* n'a aucun sens logique. Imaginez une foule aveugle, sourde, mutilée, possédée, et du coup au milieu de

cette foule quelqu'un ose cette question *quoi faire?* Une seule réponse raisonnable serait: Cherchez la guérison; tant que vous n'êtes pas guéri, vous n'avez pas d'affaire, tant que vous vous croyez en bonne santé, il n'y a aucune guérison pour vous... Une vraie affaire est possible seulement si dans l'homme et dans la nature existent des pouvoirs positifs et libres de la lumière et du bien, mais sans Dieu ni l'homme ni la nature ne possèdent de tels pouvoirs.»

Soumise à une pareille critique aucune théorie, aucune révolution, aucune transformation sociale ne pourra vaincre «l'origine infernale» de l'histoire, son «ironie méchante» (K. N. Leontiev) ou sa farce répétitive (G. W. F. Hegel) si la nature obscure de notre nature n'est pas guérie, si ses forces serviles d'un égoïsme absolu battent les forces royales du bien et de la lumière, s'approprient et retransforment à leur manière toute entreprise humaine. Alors, la question «quoi faire?» que se posaient non seulement N.G. Tchernychevski, L. N. Tolstoï et V. I. Lénine restait dans la vie réelle sans réponse ni issue: ceux qui la posaient ne prenaient point en compte une co-existence compliquée dans la nature humaine de ces deux dimensions, «servile» et «royale».

Tout idéal à la frontière du «côté obscur de notre nature» malade ne la rend pas plus claire, mais cache parfois, amincit ou renforce son caractère destructeur. Ainsi toute tentative de réalisation n'arrête point la propagation du mal et de la folie dans le monde mais les rend plus puissants et plus diversifiés tout en devenant elle-même «un grand mensonge».

ды, — заключал Владимир Соловьев, — злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздаётся вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаёте себя за здоровых, для вас нет исцеления... Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеет».

В такой логике никакие научные теории, революции, общественные преобразования не способны одолеть «демоническое начало» истории, ее «злобную иронию» (по К.Н. Леонтьеву) или фарсовую повторяемость (по Гегелю), если не исцелена темная основа нашей природы, а ее рабские силы исключительного эгоизма одолевают царские силы добра и света, присваивают и перерабатывают на свой лад любые гуманистические начинания. Потому-то вопрос «что делать?», задававшийся не только Н.Г. Чернышевским, Л.Н. Толстым и В.И. Лениным, получал в реальной действительности тупиковые разрешения, что вопрошатели не учитывали в должной мере сложного конфликтного сосущество-

вания в человеческой природе «рабского» и «царского» измерений.

Всякие, остающиеся в границах неисцеленной «темной основы нашей природы» идеалы не только не просветляют ее, но зачастую маскируют, утончают и усиливают ее разрушительные свойства, а потому попытки их реализации не только не прерывают, а нередко и разветвляют цепочки господствующего в мире зла и безумия, оборачиваются «великой ложью».

Процессы монетизации сознания и абсолютизации роли денег в ходе становления новых общественных отношений с усилением «рабских» и ослаблением «царских» свойств личности для реализации потребностей гордыни, тщеславия, зависти, власти, наслаждения и других ведущих сил «темной основы нашей природы» формировали своеобразную и благоприятную общественно-экономическую среду, о которой писал Маркс в «Немецкой идеологии»: «Представляется совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к единственному отношению полезности — эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению <...> У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например речь, любовь и т. д., изображается в виде отношений полезности и использования. Таким образом, действительные отношения, из которых он исходит, —

La monétisation de la conscience et le rôle croissant de l'argent lors de la mise en route de nouvelles relations sociales, où se développaient de plus en plus des caractéristiques «serviles» et se démuniaient celles appelées «royales» de la personnalité, où se réalisaient sans entrave des besoins de superbe, de vanité, d'envie, de pouvoir, de luxure et bien d'autres forces «sombres de notre nature obscure», ont élaboré un milieu favorable particulier dans la société et l'économie dont K. Marx a écrit les mots suivants dans son «Idéologie allemande»: «Il nous semble absolument absurde de réduire toute la richesse des relations entre les hommes à une *simple* notion d'utilité — cette abstraction métaphysique viendrait du fait que dans la société bourgeoise actuelle toutes les relations sont soumises à la seule relation abstraite de marché et d'argent <..> Ainsi, chez Holbach toute activité des individus dans leur communication et interaction, par exemple, le discours, l'amour, etc., est présentée en termes d'utilité et d'usage. Alors, les relations réelles sur lesquelles il s'appuie concernent le discours, l'amour, soit les manifestations concrètes des caractéristiques précises des individus. Pourtant ces relations n'ont aucune *valeur* spécifique et ne font que refléter une troisième relation remplaçant les deux premières à savoir *la relation d'utilité ou d'usage*».

Cette réduction des notions de morale spécifiques aux termes d'utilité ou d'usage étant donné le règne du primat du marché et de l'argent privent ces notions de rôle actif et d'indépendance ce qui provoque la baisse du niveau spirituel et l'oppression des qualités supé-

rieures («royales») de la personnalité. Les conséquences nihilistes de cette union de l'argent avec ce «fondement obscur de notre nature» sont très bien représentées chez Balzac dont l'un des héros principaux Gobsek formule ainsi son credo secret: «Il n'est qu'une seule chose matérielle dont la valeur soit assez certaine pour qu'un homme s'en occupe. Cette chose... c'est L'OR. L'or représente toutes les forces humaines. <...> L'homme est le même partout: partout le combat entre le pauvre et le riche est établi, partout il est inévitable; il vaut donc mieux être l'exploitant que d'être l'exploité; partout il se rencontre des gens musculeux qui travaillent et des gens lymphatiques qui se tourmentent; partout les plaisirs sont les mêmes, car partout les sens s'épuisent, et il ne leur survit qu'un seul sentiment, la vanité! La vanité, c'est toujours le moi. La vanité ne se satisfait que par des flots d'or.»

Gobsek est sûr que la vie est une machine qui se met en marche par l'argent qui est «le nerf du temps nouveau», «l'essence de la société actuelle». Ses collègues, ses amis et lui passent en revue tous les vices et toutes les passions, contrôlent les juges et les finances, les cadres supérieurs et la société mondaine, la jeunesse d'or et les commerçants, les acteurs et les peintres. Pour s'enrichir ils utilisent le chagrin, les besoins et les malheurs, la vanité offensée et l'envie rongée, les espoirs trompés et les ruses malignes, la déception et la vengeance, l'imprudence et la sottise, l'aspiration au luxe et au prestige vain, les dettes et les dépenses, la faillite et le veuvage, etc. La réalisation de cette stra-

это речь, любовь, определенные действительные проявления определенных свойств индивидов. Но эти отношения не обладают здесь свойственным им *специфическим* значением, а служат выражением и проявлением некоего третьего, подставленного вместо них, отношения, именно *отношения полезности или использования*».

Сведение специфических значений нравственных понятий к отношению полезности или использования при господстве денежно-торгашеского абсолюта, лишает их самостоятельной и активной роли, что способно вести к понижению духовного уровня и угнетению высших («царских») свойств личности. Разнообразные нигилистические следствия сцепления денег с «темной основой нашей природы» выпукло и наглядно отражено в произведениях Балзака, один из главных героев которого, Гобсек, так формулирует свое сокровенное кредо: «Из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото. В золоте сосредоточены все силы человечества <...> Человек везде одинаков: везде идет борьба между бедными и богатыми, везде. И она неизбежна. Так лучше уж самому давить, чем позволять, чтобы другие тебя давили. Повсюду мускулистые люди трудятся, а худосочные мучаются. Да и наслаждения повсюду одни и те же, и повсюду они одинаково истощают силы; переживает все наслаждения только одна утеха — тщеславие. Тщеславие! Это всегда наше “я”. А что может удовлетворить тщеславие? Золото! Потоки золота».

Гобсек убежден, что жизнь — это машина, приводимая в движение деньгами, которые составляют «нерв нового времени», «сущность всего нынешнего общества». Он и его, так сказать, коллеги и единомышленники проводят смотр всем страстям и порокам, держат под контролем финансовую и судебскую среду, высшее чиновничество и светское общество, золотую молодежь и коммерсантов, актеров и художников. Для своего обогащения они используют скорбь, нужды и беды, уязвленное тщеславие и гложущую зависть, обманутые надежды и злостные ухищрения, разочарование и месть, опрометчивость и глупость, стремление к роскоши и суетному престижу, карточные долги и растраты, банкротство и вдовство и т.д.

Для осуществления такой жизненной стратегии не нужны, более того, мешают и становятся антисистемными «великодушные порывы», справедливость, честь, честность, достоинство, совесть, любовь, сострадание и другие «царские» свойства личности, поскольку они не покупаются и не продаются и тем самым мешают, не вписываются в систему, теряют свое специфическое содержание и значение, свою сущность и превращаются в свою противоположность, если попадают в измерение полезности и использования и подчиняются ему.

Маркс, оказавшийся недалеким пророком в общественных делах и прогнозах, но остающийся актуальным аналитиком функционирования капитала в его связях с человеческой психологией, писал: «То,

тэгий не demande point «les élans généreux», la justice, l'honneur, l'honnêteté, la dignité, la conscience, l'amour, la compassion et bien d'autres traits de caractère «royaux» (par contre, ils se révèlent même néfastes et détruisent le système commun), étant donné qu'ils ne peuvent pas être achetés ou vendus, ne font pas partie du système, perdent de leur valeur et de leur sens, leur essence et se transforment en traits de caractère opposés s'ils se soumettent à l'idée de l'utilité et de l'usage.

Marx qui était un prophète imprévoyant dans les affaires sociales et dans ses pronostics tout en restant un analyste d'actualité du fonctionnement des capitaux dans ses liens avec la psychologie humaine a écrit un jour: «Ce que je ne puis en tant qu'homme, donc ce que ne peuvent toutes mes forces essentielles d'individu, je le puis grâce à l'argent. L'argent fait donc de chacune de ces forces essentielles ce qu'elle n'est pas en soi; c'est-à-dire qu'il en fait son contraire. <...> Il apparaît alors aussi comme cette puissance de perversion contre l'individu et contre les liens sociaux, etc., qui prétendent être des *essences* pour soi. Il transforme la fidélité en infidélité, l'amour en haine, la haine en amour, la vertu en vice, le vice en vertu, le valet en maître, le maître en valet, le crétinisme en intelligence, l'intelligence en crétinisme.»

Dans ce système des coordonnées avec ses régularités mettant du haut en bas les concepts du «haut» et du «bas», du «royal» et du «servile» perdent de leur pouvoirs les liens essentiels, ceux de parenté, d'amitié, d'amour; se trans-

forme le sens des relations sociales, celui des lois, de la science, de la culture et dans cette situation l'argent exploite largement les vices et les caractéristiques principales de «l'origine sombre de notre nature».

Cette force de l'argent qui dénature, déprécie et détruit les traits «royaux» de caractère était fort étudiée par Dostoïevski dans ses oeuvres. Ainsi, Gania Ivolguine dans le roman «l'Idiot» déclare: «Ce qu'il y a de plus vil et de plus odieux dans l'argent, c'est qu'il confère même des talents.» C'est l'absence du talent qui attire Arkadi Dolgorouki dans le roman «l'Adolescent» ainsi que cette facilité de gagner de l'argent: «parce qu'il ne faut aucun génie, aucune intelligence, aucune éducation mais en effet on devient le premier, l'homme le plus important, le roi pour tout et tous capable de se venger de ses offenseurs». Cette «idée de Rothschild» l'intéresse dans la mesure où «l'argent peut conduire à la première place quelqu'un, et même une «nullité», il est seul à pouvoir asservir les traits royaux de caractère dans l'être humain: «Je me vois, bonhomme d'intellect neutre, assis devant l'univers, dire avec un sourire: Vous, les Galilées et les Copernics, les Charlemagnes et les Napoléons, vous les Pouchkines et les Shakespeares, vous, les reluisants feld-maréchaux, et, de l'autre côté, moi, le sans-talent et l'illégitime... et cependant je suis plus haut que vous, car vous êtes soumis à la force masquée dans ma faiblesse».

Dans cette ambiance naît le milieu, ce mirage qui dissout les traits «royaux» dans l'homme. Pouchkine

чего я как человек не в состоянии сделать, то есть чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем сама по себе она не является, т.е. в ее *противоположность* <...> В качестве этой извращенной силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость».

В обозначенной системе координат с ее переворачивающимися «высшее» и «низшее», «царское» и «рабское» закономерностями теряют свою самостоятельную сущность и специфическое значение родительские, родственные, дружеские, любовные связи, изменяется и искажается смысл и общественных отношений, законов, науки, культуры, искусства в той степени, в какой деньги успешно эксплуатируют пороки и основные свойства «темной основы нашей природы».

Перевертывающая, компенсирующая и обесценивающая «царские» свойства в человеке сила денег особособо занимали ум Достоевского. Ганя Иволгин в «Идиоте» заявляет: «Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают». Именно бесталанностью привлекает внимание Аркадия Долгорукого в «Подростке»

вырабатываемая им система наживы — «именно тем, что не нужно гения, ума, образования, а в результате все-таки — первый человек, царь всем и каждому и может отомстить всем обидчикам». «Ротшильдовская идея» интересна ему потому, что «деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество», которому дана возможность поработить царское начало в человеке: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шексперы, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я — бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились».

В такой атмосфере формируется среда, марево которой растворяет «царское» в человеке. Пушкин говорил о «неумолимом эгоизме» и «нестерпимом Тиранстве» демократии, подавляющем «страстию к довольству» бескорыстные и возвышенные движения души, И. Киреевский о «полускотском равнодушии» ко всему, что превышает торговые расчеты, Герцен об индустриализме как о «сифилитическом шанкре», заражающем кровь общества, Гоголь — о «пустом призраке цивилизации», скрывающей беспросветную пошлость и вселенскую скуку, Чаадаев — о «плачевной золотой посредственности» мещанства, уничтожающего духовные дары человека, Леонтьев о «либерально-эгалитарном прогрессе», приводящем

парлаит de l' «égoïsme implacable» et la «tyrannie insupportable» de la démocratie écrasant par «son désir de la joie» les élans désintéressés et élevés de l'âme; I. Kireïevski — de l' «indifférence brutale» envers tout ce qui surpasse les calculs marchands; Herzen — de l'industrialisation comme d'un «chancre syphilitique» infectant le sang de la société, Gogol — du «fantôme vide de la civilisation» cachant une vulgarité noire sans issue et un ennui universel; Tchaadaïev — de la «lamentable médiocrité dorée» de la petite bourgeoisie détruisant les dons spirituels de l'homme; Leontiev — du «processus libéral égalitaire» amenant les cultures uniques vers une égalité primitive, d'un «Européen moyen» comme d'une «arme de destruction mondiale».

Le prix de cette science de transformer les «pierres» de la nature en «pains» de la civilisation était, selon Rozanov, élevé: cette science a provoqué une baisse effroyable du niveau psychique de l'homme. Comme résultat, on voit les biens matériels remplacer les biens spirituels, et le refus du supérieur et sacré pour le matériel et l'utile renferme de grandes conséquences nihilistes.

Selon Bakhtine, le renforcement du côté «biologique» de l'Être, d'abord progressif et caché, puis évident et inévitable, s'exprime par le fait que toutes les forces d'une décision responsable dans la culture se réduisent en une simple motivation biologique et économique et perdent leurs moments et dimensions idéaux: «Voilà l'état de la civilisation. Toute la richesse de la culture se met au service d'un acte biologique».

Selon E. N. Troubetskoï, à ce moment-là entre en vigueur la «loi de la destruction mutuelle des êtres» munis d'une plus ou moins puissante «mâchoire de guerre et de technologies». Et l'auteur conclut que l'homme devient inférieur à la bête qui ne s'adresse pas à l'art, à la science ou à la technologie pour satisfaire ses besoins matériels. Par contre l'homme utilise ses capacités uniques spirituelles et sa force intellectuelle non pour rendre sa vie intérieure meilleure, pour soigner ce «côté sombre» de sa nature et, par conséquent, pour transformer le monde extérieur, mais pour servir à cet acte «biologique»: il choisit «l'inférieure» au lieu du «supérieur» et ces disproportion et perversité lui font perdre dans ce combat avec les représentants de la flore et de la faune.

Ce philosophe russe remettait en question ce problème de la perte culturelle et des changements des valeurs: «L'un des obstacles majeurs freinant l'essor spirituel gît dans cette plénitude illusoire de la vie que le bien-être nous donne. Le confort, la commodité, toute cette tromperie de la beauté mourante, disparaissante et éphémère ce sont les éléments qui constituent ce mirage séduisant qui assoupit et paralyse les forces spirituelles.»

Dans le registre moral les pensées de Troubetskoï sont partagées par Bou-nine: «Je voyais avec une vraie peur et méfiance tout ce bien-être, dont l'acquisition et la possession engloutissent l'homme, et le superflu et la bassesse de ce bien-être font naître en moi une vraie haine.»

самобытные культуры ко всемирному примитивному однообразию, о «среднем европейце» как орудии «всемирного разрушения».

Ценой обращения с помощью науки «камней» природы в «хлебы» цивилизации стал, по убеждению Розанова, страшный, но мощный исход — понижение психического уровня человека. В результате происходит промен духовных даров на материальные, а отвержение высокого и святого ради вещественного и полезного таит в себе глобальные нигилистические последствия.

Постепенное, подспудное, а затем и очевидное усиление «биологизма» бытия, по заключению Бахтина, выражается в том, что все силы ответственного решения в культуре ниспадают на степень элементарной биологической и экономической мотивировки и теряют свои идеальные моменты и измерения: «Это-то и есть состояние цивилизации. Все богатство культуры отдается на услужение биологического акта».

По мнению Е.Н. Трубецкого, тогда вступает в силу «закон взаимного пожирания существ», оснащенных более или менее мощной «военно-технической челюстью». Человек, заключает он, опускается ниже животного, которому для удовлетворения материальных потребностей не требуется ни искусства, ни науки, ни техники. Человек же использует свои уникальные духовные возможности и гигантскую интеллектуальную мощь не для совершенствования своего внутреннего мира, его исцеления от «темной осно-

вы» и, соответственно, последующего преобразования здешнего бытия, а для все более многообразного и утонченного обслуживания «биологического акта», ставит «высшее» на службу «низшему» и в подобной несоразмерности и извращенности многое теряет по сравнению с представителями флоры и фауны.

Этот русский философ настойчиво акцентировал культурные потери, изменения ценностных ориентиров: «Одно из величайших препятствий, задерживающих духовный подъем, заключается в том призрачном наполнении жизни, которое дает жизненное благополучие. Комфорт, удобство, сытость и весь обман, исчезающей, смертной красоты — вот те элементы, из которых слагается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные».

В высоком эмоциональном регистре мысли Трубецкого разделяет и Бунин: «Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощает человека, а излишества и обычная низость этого благополучия вызывают во мне ненависть».

Гигантская «Атлантида», на которой путешествует миллионер, является моделью окружающего Бунина общества. На верхней палубе располагаются состоятельные люди, от которых зависят «фасоны смокингов, и прочность тронов, и объявления войн, и благосостояние отелей». Ироническое перечисление столь разнородных явлений (их можно далее продолжать) уравнивает их возмож-

L'énorme *Atlantide*, liner sur lequel le millionnaire voyage, représente un modèle de la société entourant Bounine. Sur le pont supérieur s'installent les gens riches de qui dépendent «la coupe des smokings et la solidité des trônes et les déclarations de guerre et la prospérité des hôtels». Cette énumération ironique de divers phénomènes tellement distincts (et on n'a qu'à continuer!) rend ces gens égaux par leur capacité de rapporter de l'argent et du pouvoir, de procurer des places privilégiées dans cette vie devenue banale et vulgaire, des places à table de ce festin de consommation de la vie où le Monsieur de San-Francisco sert si éperdument. Cette ambiance a été bien décrite par le contemporain de Bounine, le spécialiste des cultures O. Spengler qui écrivait sur la primitivisation des buts vitaux: «La structure même de la société doit être nivelée et se retrouver au niveau de la populace. Et que l'égalité universelle s'établisse ! Tout doit être vulgaire, à niveau égal, tout doit gagner de l'argent et dépenser de l'argent aux mêmes délices et plaisirs — on ne peut en imaginer plus.»

Quand on n'a plus rien à imaginer, le but de l'existence se transforme, ce sont les moyens, ce service de l'«acte biologique» qui deviennent prioritaire. Ce service est métaphoriquement exprimé par la vie sur le liner et les horaires des riches (avec les repas et les divertissements comme des événements culminants de la journée): le liner rappelait alors un grand hôtel avec son propre journal, ses bars et ses bains orientaux, qui aiguisaient l'appétit des voyageurs et les mettaient en bonne humeur.

Toute la vie antérieure du héros principal était une préparation à cette existence «élitaire» avec des plaisirs et des buts bien précis, qui appauvrissent la vie intérieure spirituelle de l'homme qui est pris dans ce piège de statut et d'enrichissement où un être humain se transforme en poupée mécanique et l'amour — en son antipode.

La maladie incurable et l'attente de la fin inévitable dans la nouvelle de L. N. Tolstoï «La mort d'Ivan Ilitch» (et le récit de Bounine et la nouvelle de L. N. Tolstoï s'interpellent) dévoile devant le protagoniste toute absurdité des idéaux de cette vie «comme il faut» avec son vide substantiel et sa fausseté existentielle, son identification mensongère de la personnalité à un rôle joué en public, tout cela n'étant qu'«un effroyable, un énorme mensonge, qui dissimulait et la vie et la mort.»

Tolstoï a remarqué un jour que toutes les pensées sur la mort sont nécessaires pour la vie, puisque telle ou telle attitude de l'homme envers la mort définit la qualité de sa vie et la possibilité d'en retrouver le sens. Son agonie qui dure permet au fonctionnaire Ivan Ilitch, conseiller à la Cour d'appel, de réaliser que son désir de «vivre bien agréablement», avoir du prestige et du bien-être matériel, formait en lui des relations fausses avec les gens pour lesquels sa personnalité n'avait plus aucune valeur, une fois cessée de fonctionner correctement. Et il a dû constater que tout dans sa vie était faux.

La mort subite d'un homme d'affaires et entrepreneur inconnu dans le récit de Bounine ne permet pas au

ностью приносить доходы и власть, занимать привилегированные места в опошляющей и превращающейся в своеобразное пиршество потребления жизни, на алтарь которого приносятся усиленные труды господинна из Сан-Франциско. Красноречиво эту атмосферу выразил современник Бунина, выдающийся культуролог О. Шпенглер, который писал о примитивизации жизненных целеполаганий: «Само строение общества должно быть выровнено до уровня черни. И да воцарится всеобщее равенство: всему надлежит быть одинаково пошлым, одинаково делать деньги и одинаково тратить их на одинаковые удовольствия — большее и не лезет в голову».

Когда большее не лезет в голову, главным смыслом существования становятся их средства, само обслуживание «биологического акта», символизированное распорядком дня на лайнере (с трапезами и развлечениями как основными кульминационными занятиями), напоминавшем огромный отель с собственной газетой, барами и восточными банями, возбуждавшими аппетит и хорошее самочувствие.

Вся предшествующая жизнь центрального героя стала как бы предуготовлением к тому «элитному» бытию с заранее расчисленными удовольствиями и целями, которые в устремленности к обогащению и престижной статусности обедняют духовный мир человека и превращают его в механическую куклу, а любовь — в свою противоположность.

Неизлечимая болезнь и ожидание неизбежного конца в повести

Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», с которой перекликается рассказ Бунина, обнажает перед ее главным героем всю бессмысленность идеалов «комильфотной» жизни с ее субстанциальной пустотой и экзистенциальной неподлинностью, с лживо-лицемерным отождествлением личности с играемой в обществе ролью, что есть «огромный обман, закрывающий и жизнь, и смерть».

Толстой заметил однажды, что все мысли о смерти нужны только для жизни, поскольку то или иное отношение человека к смерти определяет качество его жизни и возможность нахождения ее истинного смысла. Длительное умирание позволяет судейскому чиновнику Ивану Ильичу осознать, что его стремление «жить легко и приятно», обладать материальным благополучием и престижным положением в обществе формировало ложные отношения с окружающими людьми, для которых его личность потеряла интерес, как только перестала быть функциональной. И он вынужден был констатировать, что в его жизни все было «не то».

Внезапная смерть безвестного предпринимателя и бизнесмена в рассказе Бунина не позволяет герою задуматься о прожитых годах и он, никому не нужный и всем мешающий, проделал обратный путь уже не в роскошной каюте верхней палубы, а в заколоченном ящике, в черном трюме, где трудящийся люд ждал своего часа, чтобы сказать пирующим и развлекающимся: «Удаляйтесь прочь, а мы займем ваше место». А на верхней палубе продолжалось привычное веселье, в ресторанах

protagoniste de réfléchir, penser aux années vécues et lui qui ne manque à personne, qui dérange tout le monde, a fait son voyage de retour non sur le pont supérieur, dans une cabine chic mais dans une boîte clouée, dans la cale noire où les travailleurs attendaient leur temps de vengeance: «Otez-vous de là que nous nous y mettions». Mais sur le pont supérieur la joie et les rires continuaient, dans les restaurants et les salles de bal luisaient la lumière et la jouissance et un couple exquis d'amoureux engagés se tordait et se heurtait dans la brillance des feux, des soies, des diamants et des épaules découvertes. «Et personne ne savait que, depuis longtemps déjà, ce couple se rongait à feindre son affreux bonheur, aux sons d'une musique impudemment éplorée; personne ne soupçonnait la présence d'un cercueil goudronné, en bas, tout en bas sous leurs pieds, dans l'infime profondeur de la cale obscure, non loin des mornes et torrides entrailles du vaisseau qui, péniblement, fendait les ténèbres, l'océan, la tourmente...»

C'est ainsi que Bounine finit son récit en ajoutant encore une idée et en et en partageant en quelque sorte la pensée du physicien célèbre W. Heisenberg. Celui-ci compare la civilisation contemporaine à un liner surchargé de technologies dont le compas de mer ne montre que son propre poids. Alors, il reste à comprendre si l'humanité doit moderniser le vaisseau et le compas ou bien renoncer au compas et recommencer à suivre les étoiles. Comme si Bounine invitait les habitants du pont supérieur de l' *Atlantide* à penser au

destin de la civilisation, à ses moyens et ses objectifs, à ce que le Monsieur de San-Francisco n'a pas eu le temps de faire: «Les innombrables yeux de feu du vaisseau, à travers la neige, étaient à peine visibles au Diable qui, du haut des rochers de Gibraltar, aux portes de pierre des deux mondes, surveillait la disparition du vaisseau dans la nuit et dans la tourmente. Le Diable était énorme comme une falaise, mais plus que lui encore était énorme le vaisseau aux galeries nombreuses, aux entrailles profondes, créé par la superbe du Nouvel Homme, dont le coeur est toujours vieux. La tourmente s'abattait sur ses agrès et ses cheminées aux larges gueules, toutes blanches de neige, mais il était stable, ferme, majestueux — et effrayant».

Dans un autre récit de Bounine «Le calice de la vie» les aspirations égoïstes du «vieux coeur», du «vieil homme» chez les personnages différents vident et dévalorisent ce calice et y dissolvent les meilleurs traits de caractère «royaux». Selon l'écrivain, sans la transformation des origines «serviles» de la nature humaine et sans l'acquisition d'un «nouveau coeur» (et d'un bon compas bien réglé qui montrera les sens de la vie qui ne seront pas touchés par la mort de l'existence), l' *Atlantide* de la civilisation moderne ne pourrait pas éviter l'Apocalypse. Là encore Bounine reprend les idées de ses contemporains qui constituent le contexte artistique de l'époque qui se voit clairement dans les courants littéraires russes. Comme conclut un formidable penseur V. I. Nesmelov, l'homme peut vivre dans un

и бальных залах изливались свет и радость, а гибкая пара нанятых влюбленных мучительно извивалась и судорожно сталкивалась среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнаженных плеч. «И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит гроб глубоко, под ними (и как писал Пушкин, “зевая”, ждет каждого из них. — Б.Т.), на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело преодолевающего мрак, океан, вьюгу...»

Таковыми словами заключает свой рассказ Бунин, добавляя еще одну обобщающую мысль, как бы на свой лад солидаризируясь с еще одним выдающимся современником, крупнейшим физиком В. Гейзенбергом. Последний уподобляет современную цивилизацию перегруженному новейшими техническими конструкциями кораблю, чей компас указывает уже только на его собственную массу. Следовательно, необходимо решать, идти ли человечеству прежним курсом, преобразовывая не только корабль, но и компас, или выбросить компас и снова смотреть на звезды. Бунин словно приглашает насельников верхней палубы «Атлантиды» задуматься над ходом и иерархией ценностей современной цивилизации, ее целей и средств, что не успел сделать господин из «Сан-Франциско», когда пишет: «Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем.

Дьявол был громаден, как утес, но еще громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем. Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен».

В другом рассказе Бунина «Чаша жизни» эгоистические устремления «старого сердца», «ветхого человека» у разных персонажей опустошают и обесмысливают эту чашу и растворяют в ней все высшие «царские» свойства личности. По его убеждению, без преобразования «рабских» начал человеческой природы и обретения «нового сердца» и соответствующего компаса, показывающего не уничтожаемые со смертью смыслы бытия, Атлантиде современной цивилизации будет сложно избежать апокалиптического развития. И здесь Бунин снова присоединяется своим художественным даром к тому идейно-психологическому и социально-историческому контексту, который характерно оценивается в глубинных течениях русской литературы. Человек, заключает замечательный мыслитель В.И. Несмелов, может жить в мире по каким угодно соображениям или даже без всяких соображений — потому только, что он явился на свет, но это недостойно его разума и свободы. Если он живет на свете по одному только случаю своего рождения, то он и человеком-то может называться в одной только зоологии по зоологическим причинам. Человек должен жить не потому, что его мать на свет родила, а потому что он имеет осо-

monde selon toutes sortes de principes, n'importe lesquels ou sans principes du tout, et tout cela parce qu'il est né, parce qu'il a cette vie, mais ce comportement reste indigne de sa liberté et de son esprit. S'il vit dans le monde puisqu'on lui a donné cette naissance par hasard il ne peut être nommé l'homme que dans ce contexte zoologique, selon les typologies zoologiques et pas plus. L'homme doit vivre parce qu'il a un but, une prédestination et non seulement parce que sa mère a accouché de lui. Dans le cas contraire, à emprunter les paroles de Tchaadaïev, la philosophie de l'être humain «devient seulement une partie de l'histoire naturelle qui décrit les moeurs des animaux: un chapitre sur l'homme dans la zoologie».

Le secret de l'existence humaine gît, comme le mentionnait Dostoïevski sensible à ce genre de questions, dans le fait qu'il ne doit pas simplement vivre mais savoir pour quoi il vit. Et sans ce savoir profond, sans la solution de ce problème, l'homme est capable de détruire les autres et lui-même, «même s'il y avait partout du pain et du blé». Comme l'écrit Nesmelov, les projets les plus glorieux et les rêves des gens s'effondraient une fois acquise cette conscience implacable que le fils de la terre heureux ou malheureux naît sans un but clair et précis de son existence et quitte ce monde pour toujours sans comprendre pourquoi.

Bouine voyait bien comment le Nouvel Homme s'éloignait, dans ses buts et ses aspirations, de la compréhension du sens et du «secret» de l'existence de l'homme, comment la vie inté-

rieure de l'individu change et à quelles conséquences ce changement pouvait amener.

La supériorité de l'acte biologique, des motivations économiques, des fantômes matériels de la vie asservit l'homme par les forces inférieures de l'avidité dévorante, de la lutte concurrentielle, assèche les forces supérieures de la noblesse et de la vraie liberté (honneur, mérite, conscience, compassion, amour, etc.) qui s'anéantissent en cachant à peine la nudité de la nature égocentrique et des calculs cyniques. Dans cette cage des idéaux abaissés et sous l'autorité du despotisme consommateur et celle de Tyr et Sidon vêtus d'habits contemporains il existe toujours cette idée du darwinisme social de la sélection naturelle dévalorisant de beaux discours sur la démocratie, la dictature de la loi et transformant ces «harangues» en un «grand mensonge». Cela renforce les désaccords et l'isolement des gens, multiplie les séductions de la liberté illusoire qui se métamorphosent en dépendance de la vanité, de l'amour du pouvoir et de la sensualité. Dans les limites de cette «origine sombre de notre nature» la politique cupide, l'idéologie et la vie sociale, toujours gérées par la concurrence, engendrent de nouvelles formes latentes ou évidentes de la soumission ou de la violence, de l'opposition malade et, à une certaine période historique, finissent par la redistribution des «pouvoirs», des richesses et des plaisirs (comment ne pas se rappeler cette formule du despotisme sans cesse renouvelant chez Dostoïevski: «Ote-toi de là que je m'y mette».

бое назначение в мире. В противном случае, говоря словами Чаадаева, философия человека «становится только частью натуральной истории, которой описываются нравы животных: главой о человеке в зоологии».

Тайна человеческого бытия, утверждал чуткий к подобном вопросам Достоевский, заключается не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. И без разрешения этой тайны человек способен истребить себя и окружающих, «хотя бы кругом были хлебы». Как пишет тот же Несмелов, самые гениальные проекты и мечты людей сокрушались о неразрешенное сознание того, что счастливый или несчастный сын земли неизвестно зачем появляется на свет и неведомо зачем по смерти навеки ее покидает.

Бунин хорошо видел, как удаляется Новый Человек в постановке своих жизненных целей и задач от понимания их смыслов в соотносительности с «тайной человека», как соответственно изменяется внутренний мир индивида и к каким последствиям все это может привести.

Господство биологического акта, экономических мотивировок, материальных призраков жизни поработает человека низшими силами всепоглощающей корысти и конкурентной борьбы, иссушает высшие силы благородства и подлинной свободы (чести, достоинства, совести, сострадания, любви и других), которые превращаются в условную шелуху, едва прикрывающую наготу эгоцентрической натуры и циничности расчетов. В клетке сниженных идеалов и при власти

потребительской деспотии и невидимо переоблачившихся в современные одежды Тира и Сидона всегда незримо действует социал-дарвинистская идея естественного отбора, обесценивающая красивые речевые конструкции о демократии, диктатуре закона и тому подобном и превращающая их в очередную «великую ложь». При этом усиливается недружественная разделенность и отчужденность людей, множатся обольщения мнимой свободы, оборачивающиеся зависимостью от тщеславия, любоначалия и чувственности. В границах становящейся все более лукавой «темной основы нашей природы» своекорыстная политика, идеология и общественная жизнь всегда управляются соперничеством, порождают явные или скрытые формы ущемления и насилия, ревнивого противопоставления друг другу и заканчиваются на очередном историческом этапе перераспределением «суммы» власти, богатства и наслаждений (вспомним еще раз формулу обновляющегося деспотизма у Достоевского: «Убирайся прочь, а я займу твое место»).

Бунин пророчески чувствовал, что при таком состоянии человеческих душ и в таких обстоятельствах, когда народы вдобавок превращаются в толпы, живущие одним днем и манипулируемые, когда перевернута иерархия ценностей, а «рабские» одолевают «царские», неизбежны катастрофические последствия. Более того, в условиях духовного кризиса и обезличивания разных культур, геополитических, этнических и тому подобных конфликтов объединенная и больная рассудоч-

Etant un vrai prophète, Bounine sentait que des conséquences terribles sont inévitables dans cet état des âmes humaines, dans de telles circonstances, quand les peuples se mutent en foules manipulées vivant d'un seul jour, quand la hiérarchie des valeurs se trouve renversée et les valeurs «serviles» l'emportent sur les valeurs «royales». De surcroît, cette âme unifiée et souffrant d'un pragmatisme raisonnable est la source même de toute sorte de catastrophes mondiales, étant donné la crise spirituelle, l'effacement des cultures, les conflits géopolitiques, ethniques, etc. C'est toujours et encore Dostoïevski qui a écrit sur la dégénérescence totale, la matérialisation et l'égoïsme des désirs humains, ce qui annonce des conséquences dramatiques. L'écrivain rappelait que cette idée de la richesse de la paix était applicable à un dixième de la population de la planète («On répète que la paix produit la richesse; quelle richesse? Celle de la dixième partie des hommes infectés»). Les trésors superflus accumulés dans les mains d'une seule personne font naître en elle de la brutalité, des caprices et des anormalités, de la luxure, de la violence et du soin peureux de ce ravitaillement et l'accumulation continus. Les maladies et la richesse sont héritées par les neuf dixièmes restants et surtout les maladies de l'âme. Toutes les couches sociales sont envahies par cette peur de tout perdre et par ce désir d'«accumulation et gain de l'argent». Cet égoïsme utérin, cette autodéfense consommatrice tue les questions spirituelles et la foi en solidarité humaine.

«Une trop longue paix fait naître le besoin de la guerre et souvent ce qui sortira d'une inaction prolongée, ce ne sera plus une lutte entreprise pour de nobles motifs, mais une campagne guerrière ayant pour but l'acquisition de nouvelles richesses, une campagne faite dans l'intérêt des boursiers, des exploiters qui veulent avoir de nouveaux serfs tellement nécessaires pour les possesseurs de sacs pleins d'or — et tout cela à cause des raisons qui ne peuvent aucunement justifier même ce désir de la conservation de soi, mais témoignent d'un état maladif de l'organisme social».

Paradoxale au premier abord, mais au fond assez régulière, cette démarche logique de la transformation de la paix en guerre démontre qu'aucune discussion amicale, aucun «nouvel ordre» ou des valeurs communes de l'humanité ne peuvent pas arrêter ce développement, si les âmes des hommes traînent dans cette bassesse, continuent à se concurrencer et engendrer par cette concurrence même des intérêts matériels différents et, par conséquent, multiplier la diversité des usurpations secrètes ou évidentes. Ainsi, ce temps de toutes sortes de révolutions politiques, technocratiques, culturelles ou bien d'autres se déroulant sans verser du sang ne fait pas changer l'âme humaine et ses origines égoïstes, mais par contre crée pour elles un nouveau «bouillon de culture».

Dans ce bouillon apparaissent des conceptions de post-vérité, qui égalisent le mensonge et la vérité, des doubles standards, des rêveries hégémoniques

ным прагматизмом «душа» является главным «внутренним» источником возможных мировых катастроф. О том, как сплошное обмельчание, материализация и эгоизация человеческих желаний подспудно готовят драматические последствия, пронизательно писал Достоевский. Говорят, размышлял он, что мир родит богатство, но ведь только одной десятой доли людей. От излишнего скопления богатства в одних руках развивается грубость чувств, капризных излишеств и ненормальностей, возбуждается сладострастие, провоцирующее одновременно жестокость и слишком трусливую заботу о самообеспечении. Болезни и богатство, продолжал Достоевский, передаются и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Панический страх за себя сообщается всем слоям общества и вызывает «страшную жажду накопления и приобретения денег». Утробный эгоизм и приобретательская самозащита умерщвляют духовные вопросы и веру в братскую солидарность людей. «В результате же оказывается, что буржуазный долгий мир, все-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит ее сам из себя как жалкое следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, достойной великой нации, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков, — словом, из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения, а, напротив, именно свидетельствующих

о капризном, болезненном состоянии национального организма».

Эта «внешне» парадоксальная, а «внутренне» закономерная логическая цепочка превращения мира в войну хорошо показывает, что никакие дружественные договоры, «новые порядки» или общечеловеческие ценности не способны предотвратить такой ход вещей, если сохраняется «низкое» состояние человеческих душ, видимое или невидимое соперничество которых порождает все новые материальные интересы и, соответственно, множит разнообразие тайных или явных захватов. В результате в мирное время политических, культурных, технократических или иных бескровных революций не только не преобразует эгоцентрические начала человеческой деятельности, а создает для них качественно новую питательную среду.

В такой среде вызревают уравнивающие правду и ложь концепции так называемой постправды, двойные стандарты, гегемонистские мечтания о геополитическом переустройстве мира, реваншистские, националистические и фашистские настроения, терроризм и экстремизм, войны на различных континентах (в том числе и в центре Европы), «цветные» перевороты или прямолинейные насильственные смены режимов и т.п.

Оборотные стороны курса корабля современности и нацеленности его компаса в самых разных идейно-психологических и социально-исторических измерениях привлекали, как и Бунина, внимание других русских писателей и мыслителей. Так, по Н.Н. Страху,

sur la réorganisation du monde, des états d'esprit nazi, revanchiste, nationaliste (surtout au centre de l'Europe), des coups d'état «de toutes couleurs» ou des changements de régimes politiques, etc.

Le cap au compas de ce vaisseau attirait nombreux écrivains et penseurs, contemporains de Bounine par ses dimensions psychologique, idéologique, sociale et historique. Ainsi, N. N. Strakhov mentionnait que le prométhéisme du Nouvel Homme avec un coeur ancien ne pense point à l'interprétation intérieure des origines négatives de la nature humaine, mais se pose de grands problèmes de la conquête de la

nature et la prolongation de la durée de vie humaine ce qui mène à de nouvelles souffrances et à l'augmentation du chaos. Et pour Dostoïevski ce manque de réflexion intérieure et de compréhension de sa propre imperfection et déficience sont les erreurs majeures de l'homme dans toute son activité «extérieure». Dans une discussion avec un de ses contemporains il blâmait les prophètes «aveugles» de l'humanisme incompréhensible: «Ils ne soupçonnent point la fin de leurs «progrès» et leur papotage ! Ils ne peuvent même imaginer que Antéchrist soit né et arrive !.. Et la fin du monde est proche — et plus proche qu'ils ne le pensent !» Dans

Эко-просветительский фестиваль «Бунинские Озерки»
Le festival écologique et éducatif «Bouninskie Ozerki»

скрытый прометеизм Нового Человека со старым сердцем, чье сознание не озабочено «внутренним» осмыслением отрицательных начал человеческой природы, но ставит тем не менее гигантские «внешние» задачи покорения природы и продления жизни, что ведет лишь к появлению новых страданий и к умножению хаоса. И для Достоевского внутренняя неосмысленность и непреодоленность собственной «недосижности» и «недоделанности» являются коренной ошибкой человека при разрывании всей его «внешней» деятельности. В беседе с одним из современников он порицал «слепых» проповедников невинного гуманизма: «Они и не подозревают, что скоро конец всем их “прогрессам” и болтовне! Им и не чудится, что ведь атихрист-то уже родил и идет!.. И конец миру близок — ближе, чем они думают!» В подаренном писателю женой декабристов Евангелии отмечены слова из «Откровения Иоанна Богослова» о вавилонской блуднице, об облаченной в порфиру и багряницу жене «с золотой чашей в руке своей, наполненной мерзостью и нечистотой блудодействия ее». На теле же жены написано имя: «Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным». Отметив слово «тайна» двумя чертами и пытаясь разгадать ее, Достоевский пишет на полях слово «цивилизация».

Связь подобных социально-исторических тенденций с внутренним состоянием и качеством сознания отдельной личности особо подчеркнул Чаадаевым: «Мысль Апокалипсиса есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия,

ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взывающие, их надобно слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, — на них надобно смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, — мы слышим его беспрестанно».

Бунин, безусловно, прекрасно понимал значение того «беспредельного урока», чутко вслушивался в незаметное для многих проявление «треска машины мира», как и его русские единомышленники в эмиграции. Снижение духовных феноменов до материального или физиологического уровня Б.П. Вышеславцев именовал термином «профанация» и приходил к выводу, что в современном мире поражает низость человеческих сердец. И Д.С. Мережковский оценивал современность как эпоху Конца, борьбу Плоских с Глубокими, которой суждено длиться вечно и в которой на современном этапе верх одерживают первые, имея преимущество обезличенности, скользкости и всепроницаемости.

Автор «Господина из Сан-Франциско» как бы присоединяется к выводу другого русского мыслителя, Хомякова, обращенному ко всем современникам: «Нужно задавать себе вопрос, чей прогресс, прогресс чего именно. Иначе выйдет, что вся жизнь римской империи до последнего дня была прогрессом; может усовершенствоваться наука, а нравы могут упасть и страна опять-таки погибнуть. Где же тут прогресс страны? Прогресс есть слово, требующее субъекта. Без этого субъекта прогресс есть отвлеченность или, лучше сказать, чистая бессмыслица».

une Evangile offerte à l'écrivain par les femmes des décembristes Dostoïevski a souligné les mots du «Livre de la Révélation de Jean» sur la grande prostituée, femme vêtue de pourpre et d'écarlate qui «tenait dans sa main une coupe d'or, remplie d'abominations et des impuretés de sa prostitution». Sur son corps c'était écrit «un mystère»: «Babylone la grande, la mère des impudiques et des abominations de la terre». Dostoïevski a marqué de deux lignes le mot «mystère» et écrit sur les marges le mot «civilisation».

Ce lien entre les tendances sociales et historiques avec l'état intérieur et la qualité de la conscience d'un individu particulier a été surtout souligné par Tchaadaïev: «L'idée d'Apocalypse est d'une instruction inappréciée qui est applicable à toute minute de l'Être éternel, à toute chose qui se passe près de nous. Il faut écouter chaque jour ces voix effrayantes appelant des abîmes apocalyptiques; il faut voir chaque jour ces monstres s'y retrouvant; il faut entendre le bruit et le fracas de la machine s'y fonctionnant chaque jour.»

Sans aucun doute Bounine comprenait parfaitement le sens de cette «instruction», il prêtait l'oreille mieux que les autres à ce «fracas de

la machine du monde» comme ses amis idéologiques exilés à l'étranger. B. P. Vycheslavzeff appelait par un terme «profanation» chaque réduction des phénomènes spirituels à un niveau matériel ou physiologique. Le penseur concluait que le pire des malheurs du monde était la bassesse des coeurs humains. Et D. S. Merejkovski nommait cette époque «époque de la Fin», de la lutte des Vulgaires avec les Profonds qui durerait éternellement et où actuellement l'emportaient les premiers étant donné leur supériorité garantie par leur caractère impersonnel, inerte, omniprésent.

L'auteur du récit «Le Monsieur de San-Francisco» partage l'opinion d'un autre penseur russe, Khomiakov, qui a adressé à ses contemporains ces idées-ci: «Il faut se poser une question à qui est ce progrès, quel est ce progrès. Sinon, on devrait conclure que lors de l'existence de l'Empire romain jusqu'à sa dernière journée tout n'était que du progrès; la science peut se développer mais si les mœurs se dégradent le pays peut périr. Alors, qui oserait parler du progrès du pays? Le progrès est un mot qui demande un sujet. Sans ce sujet le progrès n'est qu'une abstraction ou, pire encore, une vraie absurdité.»